

КРАСАВИЦА И ОСПА.

КРАСАВИЦА И ОСПА.

Въ серединѣ марта Кира Лабазина дѣвушка необычайно-красивая, пришла наниматься въ гувернантку къ двумъ дѣвочкамъ тринадцати и одиннадцати лѣтъ. Не по объявленію, — послала ей отецъ. Въ рукахъ она держала коммандачное письмо. — Отецъ хвасталъ, что въ душѣ — дрожь волнения и смутное воспоминаніе о вѣщахъ и вѣстахъ, которые она уже успѣла пережить за последние четыремъ годамъ своей жизни. Нервы были уже изнурены, пока дожидалась минутъ пяти въ гостиной. Важнее солнце слишкомъ ярже играло на позолоченныхъ стульяхъ, и ослѣженный отъ яркаго свѣтъ тускло (дѣстѣль на позолоченныхъ рамахъ картинъ. Домъ богатый, и Кира думала, что ей опять придется уходить скоро.

Вышла дама, стройная, миловидная. Очень молодымъ было сдѣлано у нея лицо и такъ искусно, что простодушные мужчины даже и не подозрѣвали присутствія косметикъ.

Кира робко поднялась со своего стула. Дама, Нина

Андреева, невнимательно взяла письмо. Пробѣгая его глазами, рассказывала, что у нея трое дѣтей; воспитываются дома,—дѣвочки, и четырнадцатилѣтній мальчикъ, Костя. У него студентъ-репетиторъ. Мужъ на войнѣ, полковникъ.

Въ нарядныхъ комнатахъ странно и празднично смѣшались запахи освященной вербы и по-парижскому милыхъ духовъ. Нина Андреевна посмотрѣла на Киру, и сказала:

— О, да вы—красавица!

Кира вдругъ покрасѣла очень ярко, и вдругъ заплакала. Нина Андреевна удивилась. Спросила досадливо:

— Что такое? Что вы плачете?

И насторожилась. Такъ трудно найти хорошую гувернантку для дѣвочекъ! Эту отлично рекомендуютъ,—но она такъ красива,—хорошо ли это? И притомъ ни съ того, ни съ сего плачетъ,—что за странность?

Нина Андреевна вопросительно смотрѣла на Киру и ждала отвѣта. Кира горько плакала и говорила:

— Бѣда моя—красота моя! Горе мнѣ отъ нея!

— Бѣда? Горе?—спрашивала Нина Андреевна.— Объясните, пожалуйста, толкомъ. Я ничего не понимаю.

Кира принялась объяснять:

— Ухаживаютъ за мною, пристають. Молодые люди не даютъ прохода.

Нина Андреевна сѣла на диванъ, посадила Киру въ кресло рядомъ, и спросила:

— Отчего жъ вы не выходите замужъ?

И смотрѣла на Киру, все дивясь ея слезамъ и ея красотѣ. Думала:

«Точно у нея тамъ двѣ пипетки выпускають слезку за слезкой».

Слеза за слезкой—а глаза ясные, синие, а лицо прекрасное, одно изъ тѣхъ, которыя даже странно встрѣчать въ жизни.

Кира говорила:

— О, они, эти молодые люди, развѣ хотятъ жениться на бѣдной гувернанткѣ? Одинъ былъ лучше другихъ, я его не любила, впрочемъ, но онъ былъ очень тихъ и милъ. Можетъ быть, я бы и вышла за него—такъ, чтобы спастись. Но онъ пошелъ на войну,—офицеръ, и его убили на войнѣ. А другіе ужасивали грубо и дерзко. Не знаю, ужъ какъ меня Богъ уберегъ. Но сколько мѣстъ пришлось пережънить! Къ вамъ я съ радостью пошла потому, что у васъ нѣтъ взрослыхъ сыновей.

Нина Андреевна засмѣялась. Ея скучающей лѣнн почудилось забавное развлеченіе. Она сказала весело:

— О, да ты, моя милая, недотрога. Это мнѣ нравится. Ты у меня останешься. Ну съ госпожа мимоза, поговоримте.

Поговорили и сговорились. На все есть такса,—есть такса и на трудъ гувернантнн, сговориться не трудно.

Въ тотъ же вечеръ Кира переѣхала въ квартиру Нины Андреевны и заняла отведенную ей коморку рядомъ съ комнатою студента репетитора. Кира сейчасъ же разложила свое несложное имущество и приступила къ исполненію своихъ обязанностей.

На другой день утромъ горничная Маша позвала Киру къ Нинѣ Андреевнѣ въ спальню.—Нина Андреевна поздно вставала. Въ спальнѣ было розово, полутемно и душно; въ легкомъ еле слышномъ шумѣ вентилятора запахъ тѣхъ же духовъ, что и вчера, казался выдыхающимся.

Нина Андреевна лежала на спинѣ, до горла закрывшись розовымъ одѣяломъ. Лицо ея было въ тѣни,—толь-

ко на нижний край постели и немного дальше падала узкая полоса света от слегка раздвинутой оконной занавеси.

— Здравствуйте, мимоза!—привычно ласковым голосом сказала Нина Андреевна.—Не прячьтесь в тьму, станьте так, чтобы я вас видела. Я вот что хочу спросить: надёюсь у вас привита оспа?

— Привита,—отвчала Кира.

— Ничего привита?—спрашивала Нина Андреевна.

Кира как-будто слегка смутилась. Тихо сказала:

— Нѣтъ, въ дѣтствѣ.

— О, этого недостаточно! — недовольным голосом сказала Нина Андреевна.—Всѣ прививаютъ, можно опасаться заноса эпидеміи, если этого не сдѣлать. Вы знаете, война, всякія болѣзни разносятся. Я и себѣ привила, и дѣтямъ, и всѣмъ, кто у меня живетъ. Надо сегодня же и вамъ привить.

Кира заплакала. Нина Андреевна опять удивилась.

— Въ чемъ дѣло? У васъ, милая, неисчерпаемые источники слезъ. Положимъ, къ вашей очаровательной физиономіи это идетъ, но все же это мнѣ положительно не нравится.

Кира говорила:

— Нина Андреевна, я нарочно не прививала оспы. Если заразусь, такъ у меня не будетъ этой ужасной красивой физиономіи, которая составляетъ мученіе всей моей жизни.

Нина Андреевна засмѣялась.

— Какъ это наивно! Но вѣдь вы всѣхъ насъ заразите?

— Я сейчасъ же уйду, какъ только почувствую себя больной. — поспѣшно отвѣтила Кира, словно оправдываясь.

— Ну, это—вадоръ! А на что же вы будете жить!

— У меня есть на книжкѣ четыреста рублей.

— Вы ихъ должны беречь,—наставительно сказала Нина Андреевна.—а не тратить на ненужное лечене, когда можно предупредить болѣзнь. Ну, мы съ вами еще вернемся къ этой темѣ, а теперь водите дѣвочек гулять.

Кира пошла гулять съ дѣтьми въ Лѣтній садъ, а Нина Андреевна надѣла розовыя бархатныя туфли и флаanelевый капотъ и пошла въ столовую къ телефону позвать знакомую фельдшерицу. Самымъ озабоченнымъ голосомъ, какой только былъ въ ея распоряженіи, она говорила:

— Анна Ивановна, голубушка, къ вамъ просьба усердная. У нашей новой гувернантки оспа еще не привита. Я такъ боюсь за дѣтей.

— Да, конечно, конечно,—шипѣло въ телефонѣ что-то, отчасти похожее на голосъ человѣческій.

— Такъ ужъ вы, Анна Ивановна, пожалуйста, придите къ намъ какъ можно скорѣе.

Оказалось, что какъ разъ черезъ два часа фельдшерица можетъ притти, что у нея есть тубочка съ дегритомъ и все прочее, что можетъ понадобиться. Нина Андреевна отошла отъ телефона успокоенная, и принялась одѣваться.

Кира съ дѣтьми вернулась. Черезъ полчаса ее опять пригласили въ спальню къ Нинѣ Андреевнѣ, и почти насильно привели оспу. Какъ она ни отговаривалась, ничто не помогло. Нина Андреевна даже наконецъ сказала:

— Если вы будете упрямяться, я позову Машу и Зину, онѣ васъ поддержать.

Только этого не доставало! Пришлось покориться.

Кира вышла изъ спальни съ краснымъ и злымъ лицомъ. Но и это не дѣлало ее менѣе красивой.

Костинъ студентъ-репетиторъ. Петръ Иванычъ встрѣтился съ нею въ гостиной. Посмотрѣлъ, усмѣхнулся.

— Что? обидели? — участливо спросил он. — У нас барышня забалмошная, но, в сущности, добрая, не хуже прочих из дамского сословия—так что вы ей словя особенно близко къ сердцу не принимайте.

Кира молчала. Но не уходила. Искреннее, доброе участие слышалось ей въ словах студента, и это трогало ее теперь особенно. Студентъ продолжалъ спрашивать:

— Что, придралась къ чему-нибудь!

Онъ не былъ очень любознатель, но теперь его почему-то тянуло говорить съ Киру, хотѣлось услышать ея милый, ясный голосъ, смотрѣть въ ея силые, ясные глаза.

Кира потупилась и тихо сказала:

— Оспу привали. Я вовсе не хотѣла. Почти насильно.

Онъ засмѣялся и сказалъ весело:

— Да и меня заставили. Да что жъ вы сердитесь? Это—гдѣ!—на вредное.

Кира и ему рассказала, почему ей хочется потерять свою красоту. Вдругъ какъ-то доверчиво и просто рассказала. Точно знала, что онъ не посмѣется, что онъ пожалѣетъ.

Петръ Ивановичъ посмотрѣлъ на нее. Пожалѣлъ. Какъ-то вдругъ до сердца дошла острая жалость. И вдругъ почувствовалъ, что любить Киру.

«Исторія!»—досадливо подумалъ онъ. Быстро повернулся и ушелъ, точно сердясь на что-то.

Вою Страстную онъ ходилъ, какъ въ чадѣ. Старался почаще быть около Киры, помочь ей, поговорить съ нею. И такъ былъ взволнованъ жалостью къ ней и нѣжною любовью, что и она заражалась отъ него этими смутными и влекущими волнениями.

Въ субботу послѣ завтрака Нина Андреевна взяла дѣвочекъ съ собою къ одной изъ своихъ старыхъ род-

стенницъ. Студентъ постучался въ дверь Кириной комнаты. Кира встрѣтила его на порогѣ смущенная и взволнованная почему-то. Сказала:

— Пойдемте лучше въ гостиную.

— Ладно—согласился Петръ Ивановичъ,—въ гостиную, такъ въ гостиную.

И уже по дорогѣ въ гостиную заговорили:

— Послушайте, Кира Сергѣевна, на кой чертъ сидятъ вамъ этотъ городъ?

— А такъ же?—съ улыбкою спросила Кира.

— Поважайте въ деревню, работайте для народа,—горячо и убѣжденно говорилъ Петръ Ивановичъ.—Тамъ жить адовое, вѣдь это жъ чагаго ограда.

— Да я—горожанка—сказала Кира.

— Все это—ерунда!—воскликнулъ студентъ.—Вотъ я кончу, сдамъ государственные, и въ деревню,—жить, работать. Полною жизнью жить.

— Что жъ вы тамъ будете дѣлать?—спросила Кира.

— Ну, тамъ дѣла своею головой. Общественнымъ кооперацио,—въ мѣхъ будущеею молодежи трудомъ всей Россіи. Вотъ бы и тамъ со мною.

Глаза его блестѣли. Кира уже и раньше замѣчала, что онъ влюбленъ. Для нея это была обычная жготорья. И привычный страхъ охватилъ ее.

«Опять уходитъ?» подумала она.

Привычка оспа томилъ ее въ обществѣ и въ одиночествѣ. Руку страшно и неприятно тянуло,—оспа принялась очень зоророшо.

Петръ Ивановичъ заглянулъ ей въ глаза. Говорилъ, волнуясь мило и молодо:

— А? подумайте, да и махните со мною. Право, хорошо будетъ. Я васъ устрою учительницею. Или быть можетъ, надоѣло съ дѣтворою возиться? Такъ вѣдь тамъ

не такие ребята, как здѣсь. А то и при другомъ дѣлѣ устроить можно. Работы много, работниковъ мало.

Что-то простое и хорошее протянулось отъ его глазъ къ ея душѣ. Она тихо сказала:

— Сама-то я ничего не знаю, никуда не поѣду! Даже въ сестры милосердія не догадалась пристроиться.

И поспѣшно ушла къ себѣ. Поплакала немножко. Много плакать нельзя было,—дѣвочки вернулись, и уже почти все время были съ нею.

Ночью въ церкви было ясно, празднично и радостно. Кира вдругъ забыла все, что томило,—и оспа мучила меньше, и о красотѣ своей не думалось въ этомъ благолѣши праздничной службы.

Христосуясь послѣ заутрени, студентъ тихо спросилъ:

— Любишь меня, Кира?

Сама не зная Кира, какъ отвѣтила:

— Люблю.

— Въ деревню со мною поѣдешь?

— Поѣду.